ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЕ
А 362

ѲЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЧИЖОВЪ.

ГЕІ
А362

Изъ рѣчи, произнесенной 18 декабря 1877 года

И. С. АКСАКОВЫМЪ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЕ1
А362 Р

Дозволено цензурою. Москва, 11-го января 1878 года.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

3124/27
158718

(Изъ I-й книжки „Русскаго Архива“ 1878 года).

3124
М7

ФОТОГРАФІЯ Н. И. БОРИСОВА

Въ Москвѣ, Газетный переулокъ д. Фульда.

Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ.

ИЗЪ РѢЧИ И. С. АКСАКОВА, ПРОИЗНЕСЕННОЙ 18 ДЕКАБРЯ 1877 г.

Мм. гг.

..... Прежде чѣмъ перейти къ изложенію нашихъ дѣйствій за это послѣднее время, я долженъ исполнить грустную обязанность и остановить ваше вниманіе на потерѣ, понесенной нашимъ обществомъ въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ его членовъ, Ѳедора Васильевича Чижова, скончавшагося 14 прошлаго Ноября, 67 лѣтъ отъ роду.

Это былъ замѣчательный человѣкъ, заслуживающій подробной и тщательной біографіи. Я, разумѣется, представлю вамъ здѣсь только его краткій біографическій очеркъ, въ которомъ, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ данныхъ, нѣкоторыя цифры и числа переданы, можетъ быть, и не совсѣмъ точно; но за то я постараюсь съ возможною полнотою воспроизвести вамъ его нравственный образъ.

Большинству Русскаго общества онъ вѣроятно извѣстенъ только какъ практическій дѣятель, умный, строгій, безукоризненно-честный, въ сферѣ такъ называемыхъ экономическихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ однимъ повидимому была посвящена дѣятельность – и какая! непрерывная, неутомимая, его послѣднихъ двадцати лѣтъ. Но только повидимому:

всѣ эти труды и заботы по устройству желѣзныхъ дорогъ, банковъ, промышленныхъ обществъ, дѣйствительно почти цѣликомъ поглощали его время и сокрушили наконецъ здоровье, но не полонили его души, не охлаждали сердца, не вытравили въ немъ ни духовной жажды, ни нравственныхъ идеаловъ. Сердце этого суроваго работника оставалось открытымъ, чуткимъ ко всему изящному въ искусствѣ и въ жизни, и ко всякому страданію человѣческому; умъ не переставалъ мыслить и рвался къ досугу, но былъ имъ насильственно возвращаемъ къ служенію практическимъ цѣлямъ. Было бы однакоже ошибочно думать, что эта внѣшняя практическая дѣятельность оставалась чуждою его внутреннему существу. Напротивъ, онъ вносилъ въ каждый свой трудъ всего себя, но становился не рабомъ его, а господиномъ; осмыслялъ, одухотворялъ его нравственною стихіею, высшею идеальною цѣлью. Этотъ прославившійся практикъ, у котораго не только не вываливалось изъ твердыхъ рукъ, но спорилось, росло и крѣпло всякое дѣло, былъ упрямый идеалистъ,—таковымъ и остался до послѣдняго часа. Этотъ хозяинъ и руководитель громадныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій,—для которыхъ повидимому и нѣтъ другаго прочнаго основанія, кромѣ разсчетовъ личной корысти, которыхъ вся существенная задача, казалось бы, только въ денежныхъ барышахъ,—былъ безкорыстнѣйшимъ изъ людей, ненавидѣлъ и презиралъ деньги.

Онъ не искалъ этого поприща, не имѣлъ къ нему влеченія и вступилъ на него уже на пятомъ десяткѣ лѣтъ. Не мало былъ бы онъ самъ удивленъ, еслибы

въ то время, когда онъ изучалъ исторію искусствъ въ Италіи, такъ пламенно имъ любимой, кто-либо возвѣстилъ ему его позднѣйшую дѣятельность въ званіи желѣзнодорожнаго строителя или учредителя банковъ. Но разъ обстоятельства заставили его повернуть на этотъ путь, онъ, — съ полнымъ сознаніемъ его темныхъ, матеріализующихъ свойствъ, но также и своей личной нравственной неодолимости, — бодро принялъ вызовъ судьбы и отдался дѣлу всѣми силами духа.

А это былъ сильный человѣкъ, человѣкъ съ властью. Прежде всѣхъ другихъ его качествъ, ощущалось въ немъ именно присутствіе внутренней силы: силы убѣжденія, силы воли—непреклонной, деспотической относительно самого себя, — вмѣстѣ съ незыблемою стойкостью нравственныхъ основъ, неспособною ни къ какимъ уступкамъ и сдѣлкамъ. Смотря на его работу — методическую, отчетливую до мелочей, — всякій сказалъ бы, что такое систематическое примѣненіе воли къ дѣлу, такая выдержка въ трудѣ, то, что̀ Нѣмцы называютъ Ausdauer, возможно только при твердомъ спокойствіи и хладнокровіи духа.... А между тѣмъ это былъ человѣкъ самый пылкій, самый страстный, даже пристрастный по своей природѣ, и кто узналъ Чижова лишь съ этой его стороны, готовъ былъ, напротивъ, вывести заключеніе, что онъ способенъ управляться въ жизни только порывомъ! Но это-то цѣльное сочетаніе такихъ повидимому противоположныхъ свойствъ и было въ немъ особенно привлекательно: оно-то и придавало ему такую нравственную красоту и такую власть надъ другими. Этотъ

страстный человѣкъ не мѣнялъ предметовъ своей страсти, и какъ оставался вѣренъ, неизмѣнно вѣренъ до смерти своимъ друзьямъ, и въ крупныхъ событіяхъ и въ мелочныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни,—такъ, съ какимъ-то неистощимымъ, не остывающимъ жаромъ, въ какомъ-то упорномъ, пребывающемъ порывѣ, педантически-тщательно служилъ каждому, взятому имъ на себя дѣлу и не спѣша доводилъ его до конца. Горячее, сострадательное сердце, онъ однакоже былъ не изъ слабосердыхъ и не любилъ потворствовать слабостямъ даже въ друзьяхъ. Оказывая помощь,—а онъ многихъ облагодѣтельствовалъ, многихъ поставилъ на ноги въ жизни, и притомъ безъ всякихъ чувствительныхъ и умильныхъ пріемовъ,—онъ всегда заботился о томъ, чтобы это добро пошло въ прокъ, а не во вредъ человѣку. Почти Спартанецъ относительно внѣшнихъ житейскихъ удобствъ, онъ былъ крутымъ, неумолимымъ гонителемъ всякой распущенности, лѣни, небрежности, нѣги; строгій къ себѣ, былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ, и глубоко возмущался, когда встрѣчалъ въ людяхъ недостаточно-нравственное отношеніе къ долгу, къ порученному имъ дѣлу. Впрочемъ личныя дѣла, собственные интересы мало его заботили. Только то дѣло и было властно привлечь его къ себѣ, за которымъ онъ могъ признать какое либо гражданское, общеполезное значеніе, и которое тѣмъ самымъ, въ его глазахъ, стояло выше одинокой личности человѣка; только общественное дѣло становилось ему своимъ, личнымъ; только въ успѣхѣ такого дѣла, созданномъ его личными трудами, обрѣталъ онъ себѣ личное удовлетвореніе и, какъ онъ выражался, самый дорогой эгоистическій интересъ.

Вотъ какого нравственнаго закала человѣкъ примкнулъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, къ кругу Хомякова, Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Юрія Самарина, тѣхъ высокоталантливыхъ, высоконравственныхъ дѣятелей, которыхъ враждебная критика обозвала въ насмѣшку кличкою «славянофиловъ», обратившеюся впослѣдствіи въ такое почетное для нихъ именованіе. Теперь, когда они всѣ въ могилѣ, когда ихъ творческая мысль оправдывается самою исторіей и поднятое ими знамя становится знаменемъ всего мыслящаго Русскаго общества, съ особенною яркостью выступаетъ значеніе той духовной силы, которою окрылялось у нихъ и слово и дѣло. Въ ихъ направленіи не было ни доктринерства, ни теоретической отвлеченности. Подвигомъ самой жизни запечатлѣли они искренность и правду своихъ убѣжденій.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что Ѳедоръ Васильевичъ примкнулъ къ этому кругу уже вполнѣ созрѣвшимъ,—путемъ самобытнаго развитія дойдя до полнаго тождества въ главныхъ основаніяхъ и воззрѣніяхъ. Ему не отъ чего было и отрекаться: онъ нашелъ то, чего искалъ, только утвердился въ направленіи и расширилъ міросозерцаніе.

Родившись въ 1811 году, въ недостаточной дворянской семьѣ Костромской губерніи, онъ прошелъ тяжкую школу труда и бѣдности. Тѣмъ не менѣе, какъ только онъ, окончивъ курсъ наукъ сперва въ Костромской, потомъ въ Петербургской гимназіи и въ Петербургскомъ университетѣ, занялъ въ послѣднемъ мѣсто адъюнктъ-профессора математики, онъ отказался отъ своего небольшаго родоваго имѣнія въ пользу

сестеръ, предоставляя себѣ собственною работою добыть средства къ жизни. Почти восемь лѣтъ преподавалъ онъ въ университетѣ и издалъ, по офиціальной своей спеціальности, нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Но не занятія математикою и механикою были его призваніемъ: уже въ 1839 году, слѣдовательно 29 лѣтъ отъ роду, онъ издаетъ переводъ исторіи Европейскихъ литературъ XV и XVI столѣтій Галлама съ такими своими дополненіями, которыя, по отзыву критики, обнаруживали обширную и основательную начитанность переводчика. Въ тоже время передѣлано имъ на Русскій языкъ прекрасное сочиненіе одной Англійской писательницы подъ заглавіемъ: «Призваніе женщины», вышедшее въ свѣтъ въ Петербургѣ, уже по выходѣ его изъ университета. Скромное поприще ученаго не могло удовлетворить этой дѣятельной, пылкой, разнообразно одаренной природы. Его влекла къ себѣ жизнь, знакомство съ людьми; ему нужно было примѣнить къ живому дѣлу богатый запасъ воли и нравственной власти, и утолить потребность своего сильнаго художественнаго инстинкта. Сближеніе и затѣмъ тѣсная дружеская связь съ однимъ Малороссійскимъ дворянскимъ семействомъ (не ослабѣвшія потомъ ни разу въ теченіи всей его жизни до самой минуты смерти) послужили переворотомъ въ его судьбѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи и образованіи молодаго представителя этой семьи, и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1840 году, оставивъ университетъ, поселился въ Малороссіи, а потомъ уѣхалъ въ Европу или, вѣрнѣе сказать, въ Италію, куда манилъ его міръ искусствъ и художественныхъ

наслажденій. Въ Италіи, въ обѣ свои поѣздки, онъ провелъ около семи лѣтъ лучшей половины своей жизни. Тамъ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ онъ въ Римѣ,—въ домѣ, гдѣ въ первомъ этажѣ помѣщался поэтъ Языковъ, во второмъ—Гоголь, а въ третьемъ—самъ Ѳедоръ Васильевичъ. Съ ними и съ знаменитымъ Пвановымъ онъ былъ въ особенности друженъ и близокъ. Впрочемъ онъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ и со всѣмъ кружкомъ Русскихъ художниковъ, работавшихъ тогда въ Римѣ. Какъ во всякомъ дѣлѣ, за которое принимался Чижовъ, такъ и въ живописи онъ скоро сталъ знатокомъ, вѣрнымъ цѣнителемъ и судьею, и своимъ строгимъ уваженіемъ къ требованіямъ искусства оказалъ на многихъ изъ нихъ серіозное, вполнѣ благотворное вліяніе. Но не одною исторіею искусства занялся онъ въ Италіи: онъ основательно изучилъ ея исторію политическую и соціальную, а въ особенности ея литературу, какъ средневѣковую, такъ и позднѣйшую. Онъ и въ старости не переставалъ слѣдить за Италіанскимъ литературнымъ движеніемъ, и его обширная библіотека богата собраніемъ Италіанскихъ изданій. Но ни въ «красавицѣ Венеціи», которую онъ любилъ и о которой вспоминалъ съ такимъ увлеченіемъ, ни въ Римѣ, среди обаянія художественныхъ сокровищъ Запада, онъ не переставалъ быть Русскимъ, православно-вѣрующимъ человѣкомъ и самостоятельнымъ Русскимъ мыслителемъ. Доказательствомъ служатъ его замѣчательныя статьи: «О работахъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ» и «О Римскихъ письмахъ Муравьева», помѣщенныя въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 и 1847 года, этомъ первомъ изданіи сла-

вянофильскаго характера, но въ особенности превосходная статья, появившаяся гораздо позднѣе въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 года: «Джіованни Фіезольскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи». Въ 1845 году, если не ошибаюсь, Ѳедоръ Васильевичъ посѣтилъ Москву, гдѣ и сдружился со всѣми тогдашними представителями славянофильскаго направленія, но вскорѣ затѣмъ опять отправился за границу, и уже не въ одну Италію, а и въ Славянскія земли. Онъ объѣздилъ Истрію и Далмацію, Сербію и Австрійскихъ Славянъ, и его записки, интересныя и бытовыми чертами и описаніемъ памятниковъ Римскаго зодчества, помѣщены, хотя и не вполнѣ, частью въ «Московскомъ же Сборникѣ» 1847 и частью въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 года.

Въ своемъ путешествіи по Славянскимъ землямъ, какъ-то удалось ему помочь Черногорцамъ выгрузить оружіе на Далматскомъ берегу. Это обстоятельство, а равно и посѣщеніе имъ Австрійскихъ Славянъ вызвало доносъ на него отъ Австрійскаго правительства Русскому. Въ концѣ 1847 года Ѳедоръ Васильевичъ рѣшилъ возвратиться назадъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы окончательно посвятить себя служенію ей и Русскому народу, преимущественно на поприщѣ литературномъ, въ духѣ и разумѣ того «славянофильскаго» направленія, къ которому принадлежалъ. Но только переступилъ онъ Русскую границу, какъ былъ арестованъ и увезенъ прямехонько въ Петербургъ. Тамъ подвергли его допросамъ, и были не мало удивлены достоинствомъ, благородною смѣлостью его умныхъ отвѣтовъ, словесныхъ и письменныхъ. Мнѣ са-

мому лично удалось это слышать отъ покойнаго Л. В. Дуппельта, въ то время начальника Штаба III Отдѣленія, который отзывался о Чижовѣ съ большимъ уваженіемъ, но однакоже называлъ его при этомъ «бѣдовымъ» и «пресердитымъ». Недѣли черезъ двѣ его выпустили на свободу, но подчинили секретному полицейскому надзору. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о литературномъ трудѣ; всѣ мечты его объ изданіи журнала оказались неосуществимыми. Это было тяжелое для него время: онъ остался безъ средствъ, а надобно было жить и не зависѣть.

И вотъ Ѳедоръ Васильевичъ арендуетъ, въ долгъ, старую оставленную плантацію тутовыхъ деревьевъ около мѣстечка Триполья въ Кіевской губерніи, не вдалекѣ отъ Днѣпра, и берется за новое, совершенно незнакомое ему дѣло. Но онъ положилъ себѣ овладѣть имъ и овладѣлъ; положилъ не только добиться отъ своихъ червей отличнаго шелка, но и распространить между мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ охоту къ этому промыслу,—добился и того и другаго. Неудачи въ началѣ не охладили его. Съ своимъ обычнымъ упрямствомъ лѣтъ пять или шесть прожилъ онъ въ этой глуши, въ совершенномъ одиночествѣ, только съ книгами и червями. Но по своему же обычаю, вѣрный своей природѣ, онъ пристрастился къ преодолѣнному имъ труду, къ созданію своихъ усилій. Года черезъ два онъ уже печаталъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ письма о шелководствѣ, вышедшія потомъ, лѣтъ черезъ 20-ть, особою книжкою,—письма, отличающіяся не только своимъ техническимъ, но и литературнымъ достоинствомъ, и въ особенности художе-

ственнымъ воспроизведеніемъ нравовъ и жизни червей. Не однимъ однакоже червямъ отдался онъ въ своемъ уединеніи, но и исторіи философіи: громадные фоліанты систематическихъ выписокъ изъ книгъ свидѣтельствуютъ объ обширности его чтенія. Для развлеченія же онъ занимался надъ собою упражненіемъ воли, подчиняя себя разнымъ придуманнымъ имъ правиламъ, отсѣкая отъ себя ту или другую привычку. Здѣсь кстати упомянуть о другомъ замѣчательномъ проявленіи его воли. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ началъ вести дневникъ, но велъ хоть и послѣдовательно, однакоже съ перерывами. Недовольный собою, онъ рѣшилъ наконецъ, что во что бы ни стало будетъ вести его ежедневно, и пребылъ вѣренъ рѣшенію, не смотря на недуги и громаду заботъ въ года его позднѣйшей Московской дѣятельности. Въ самый послѣдній день смерти, 14-го Ноября, утромъ, тяжко больной, онъ занесъ это роковое число въ свой дневникъ и вписалъ въ него нѣсколько строкъ. Какъ извѣстно, этотъ драгоцѣнный манускриптъ, обнимающій чуть не сорокалѣтнее пространство времени, богатый не только автобіографическими любопытными данными, но и замѣтками о событіяхъ и людяхъ, завѣщанъ имъ Румянцевскому музею съ тѣмъ, чтобы хранился запечатаннымъ еще въ теченіи сорока лѣтъ.

Послѣ Крымской войны, оживленіе, послѣдовавшее во всей Русской общественной жизни, побудило и Ѳедора Васильевича переселиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что шелководство не дало ему средствъ для вполнѣ независимаго существованія. Все обновлялось въ то время въ Русской землѣ, все отъ теоріи пере-

ходило къ практикѣ, отъ словъ къ дѣлу, отъ чисто-литературнаго досуга къ чернорабочему труду политическаго и соціальнаго преобразованія. Насталъ историческій чередъ и для отечественныхъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, такъ долго пренебреженныхъ, почти безгласныхъ. Ѳедору Васильевичу было предложено заняться изданіемъ журнала для ихъ спеціальной защиты. Онъ взялся за дѣло, и цѣлый рядъ блистательныхъ обозрѣній освѣтилъ эту темную и глухую доселѣ область. Эти талантливыя статьи читались не одними спеціалистами. Русская торговля и промышленность обрѣли живой, громкій, смѣлый и въ тоже время безпристрастный голосъ. Нужно было много таланта для того, чтобы отъ міра искусствъ и отвлеченныхъ научныхъ занятій перейти къ такой противоположной, спеціальной, практической сферѣ и стать въ ней хозяиномъ; нужно было много нравственной силы, чтобы сохранить въ ней полную независимость духа, не уступить, не поддаться на обольщенія и сдѣлки. Изданіе «Вѣстника Промышленности», продолжавшееся лѣтъ пять, оказало, безъ сомнѣнія, благотворное дѣйствіе и на всю среду торговыхъ и промышленныхъ дѣятелей, съ которою сблизили Ѳедора Васильевича его занятія журналиста. Но и сблизившись съ нею, Чижовъ сохранился такимъ же, какъ былъ, и не переставалъ предъявлять ей свои строгіе нравственные запросы. Къ чести упомянутыхъ дѣятелей, они вполнѣ оцѣнили Чижова; его значеніе было авторитетно; его слово съ вѣсомъ. Его любили, уважали.... но и боялись. Скоро отъ журнала перешелъ онъ къ дѣятельности не только практической, но да-

же технической, и принялъ участіе въ постройкѣ Троицкой желѣзной дороги: это была первая Русская частная дорога; до того времени, какъ извѣстно, дороги строились у насъ или казною, или же знаменитою Французскою компаніей. Эта мысль воспламенила Чижова, всегда страстно готоваго работать на родную землю и родной народъ. Онъ отдался дѣлу душою и сталъ душою дѣла. Дорога вышла образцовою и по устройству, и по бережливости расходовъ, и по строгой отчетливости управленія, и по добросовѣстному соблюденію достоянія акціонеровъ. И ужъ какъ любилъ онъ эту дорогу, провелъ ее до Ярославля и Вологды и лелѣялъ еще много плановъ для обезпеченія будущей судьбы этого своего дорогаго дѣтища! Надобно было видѣть, съ какою артистическою нѣжностью составлялъ онъ свои желѣзнодорожные годовые отчеты: цѣлые томы цифръ, процентныхъ отношеній, всякаго рода затѣйливыхъ статистическихъ выводовъ!

Потребовалось учрежденіе въ Москвѣ частнаго банковаго кредита, ибо до тѣхъ поръ торговля и промышленность поддерживались только правительственнымъ кредитомъ, т. е. государственнымъ банкомъ. Для перваго частнаго въ Москвѣ кредитнаго учрежденія необходимо было пріискать лице, котораго одно уже имя служило бы нравственнымъ знаменемъ. И вотъ Ѳедоръ Васильевичъ во главѣ Московскаго Купеческаго Банка. Ново и чуждо, и не вполнѣ симпатично было ему это дѣло, а при нашихъ общественныхъ нравахъ, при наклонности къ произволу, при непривычкѣ подчиняться требованіямъ закона, для всѣхъ равно одинаковаго, оно представляло особенную, серьезную

трудность. Но такая борьба была ему по плечу. Онъ не только вышелъ изъ нея побѣдителемъ, но и самымъ блистательнымъ образомъ разрѣшилъ задачу. Чижову обязанъ Купеческій Банкъ, самый крупный и сильный изо всѣхъ частныхъ банковъ въ нашемъ отечествѣ, твердостью своей первоначальной основы; онъ заложилъ прочный фундаментъ частному банковому кредиту въ Москвѣ и, можно сказать, во всей Россіи; онъ установилъ образцовые порядки и показалъ примѣръ, въ торговой средѣ, строгаго соблюденія долга, не взирающаго ни на лица, ни на капиталы. Признавъ затѣмъ свою гражданскую миссію исполненною, онъ года черезъ два вышелъ изъ директоровъ Банка,—впрочемъ только для того, чтобы вновь водрузить свое честное, авторитетное знамя въ новомъ, на иныхъ началахъ возникшемъ кредитномъ учрежденіи, именно Московскомъ Купеческомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита. Въ видахъ общаго блага, нельзя не пожелать, чтобъ Чижовскія преданія въ обоихъ учрежденіяхъ оставались навсегда живы и дѣйственны....

Время шло. Я не стану исчислять другія промышленныя и торговыя предпріятія меньшей важности, въ которыхъ Ѳедоръ Васильевичъ принялъ участіе совѣтомъ и дѣйствіемъ. Его общественное значеніе росло; онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ за границей; его имя было и передъ Русскою высшею администраціей ручательствомъ за успѣхъ и правильное веденіе всякаго дѣла. Когда, послѣ продажи Николаевской желѣзной дороги иностранной компаніи, правительство приступило къ продажѣ Московско-Кур-

ской дороги, и на сей разъ оказалось возможнымъ пріобрѣсти ее уже не иностранцамъ, а Русскимъ капиталистамъ, дѣло опять не обошлось безъ Чижова. Съ нимъ вело переговоры правительство — и важная внутренняя желѣзнодорожная линія удержалась въ Русскихъ рукахъ. Ставъ во главѣ новаго предпріятія, Чижовъ сохранилъ за собою предсѣдательство въ правленіи этой дороги до самой кончины. Участіе въ товариществѣ, купившемъ дорогу, сулило громадныя выгоды, и молва скоро провозгласила Ѳедора Васильевича милліонеромъ, забывая или не зная, что по условію съ иностранными банкирами, съ помощью которыхъ совершена была покупка, акціи дороги могли быть пущены въ продажу и обращены въ деньги не ранѣе какъ черезъ 18 лѣтъ, — т. е. тогда, когда Чижову было бы свыше 80! Слѣдовательно, не на личное пользованіе этими милліонами могъ разсчитывать Ѳедоръ Васильевичъ, а питалъ въ душѣ иной замыселъ, какъ и оказалось впослѣдствіи. Весь этотъ будущій, дѣйствительно огромный, двухмилліонный, если не болѣе, капиталъ завѣщанъ имъ городу Костромѣ для устройства высшаго техническаго учрежденія въ крупныхъ размѣрахъ, и еще четыремъ городкамъ Костромской губерніи для четырехъ вспомогательныхъ ремесленныхъ училищъ.

Само собою разумѣется, что и безъ реализаціи этихъ акцій, продолжительное участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ поставило его въ положеніе человѣка не только независимаго, но даже съ богатыми средствами. Но прибыль средствъ не измѣнила ни его вкусовъ, ни его привычекъ, и мало ска-

противоположнаго свойства, представлялъ письменный столъ Ѳедора Васильевича: вѣрное отраженіе его собственнаго внутренняго многосторонняго содержанія. Неоднажды былъ озадаченъ иной «дѣятель на поприщѣ экономическихъ интересовъ», когда, обращаясь къ нему, какъ къ опытному, знаменитому «практику», чуждому безъ сомнѣнія «узкихъ» или «идеальныхъ» требованій нравственности, встрѣчалъ въ немъ самый горячій, молодой отпоръ и подвергался вспышкѣ его оскорбленнаго нравственнаго чувства. «Дѣятель» готовъ былъ бы назвать его мечтателемъ, сумасбродомъ, enfant terrible, еслибы такому заключенію не противорѣчилъ блистательный практическій успѣхъ всякаго дѣла, за которое только брался Чижовъ. На оборотъ, къ этому «практическому человѣку», къ этому старому дѣльцу, можно было смѣло обратиться съ такого рода честною мыслью или предположеніемъ, которое на языкѣ пошлой, дешевой мудрости было бы непремѣнно обозвано безуміемъ, дѣтскою затѣей, фантастическимъ предпріятіемъ. Когда въ Октябрѣ 1875 года, генералъ Черняевъ пріѣхалъ въ Москву съ тѣмъ чтобъ найти средства для своей поѣздки и для снаряженія цѣлой роты добровольцевъ въ Черногорію, на помощь возставшимъ Герцеговинцамъ, я поспѣшилъ сообщить этотъ планъ—не кому другому, какъ именно Ѳедору Васильевичу Чижову. Внимательно и сурово выслушавъ меня, этотъ убѣленный сѣдинами практикъ прямо отвѣтилъ мнѣ, что дѣло это надо постараться непремѣнно исполнить. «Будетъ ли, не бу-«детъ ли отъ этого польза для Герцеговинцевъ, ска-«залъ онъ, это другой вопросъ: главное въ томъ, что

«такой поступокъ со стороны Русскаго общества под-«нимет его собственный нравственный уровень, воз-«высит его въ собственномъ сознаніи, выбьетъ изъ «пошлости, которая его душитъ». Это предпріятіе, какъ извѣстно, въ то время не состоялось.

Работа надломила наконецъ желѣзную крѣпость его организма. Уже нѣсколько лѣтъ болѣлъ онъ разными недугами, и медики утверждали, что онъ живетъ только энергіей воли. 14 Ноября поздно вечеромъ, когда повидимому онъ чувствовалъ себя лучше, среди разговора о своихъ предположеніяхъ въ будущемъ, онъ скончался внезапно отъ аневризма. Смерть была мгновенна. Я видѣлъ его черезъ полчаса послѣ смерти. Онъ сидѣлъ въ креслахъ мертвый, съ выраженіемъ какой-то мужественной мысли и безстрашія на челѣ, не какъ рабъ лѣнивый и лукавый, а какъ рабъ вѣрный и добрый, много потрудившійся, много любившій,—мужъ сильнаго духа и дѣятельнаго сердца....

залась на его внѣшнемъ образѣ жизни. Объ его комфортѣ и удобствахъ заботились сами его друзья и навязывали ихъ ему почти насильно и самовольно. Самъ онъ тратился почти исключительно на книги, на вспоможеніе нуждающимся пріятелямъ, и домъ его былъ всегда пристанищемъ для пріѣзжающихъ въ Москву родныхъ и дорогихъ ему лицъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ свелъ свои счеты: въ результатѣ оказался свободный капиталъ тысячъ въ 200. Но совѣстнымъ показалось Ѳедору Васильевичу имѣть у себя такую крупную сумму. «Терпѣть не могу де«ньги—говорилъ онъ мнѣ,—не могу привыкнуть счи«тать ихъ своею собственностью; они требуютъ упо«требленія,—этой силѣ нужно дѣло»... — И вотъ онъ затѣваетъ предпріятіе, въ высшей степени общеполезное, важное, способное оживить нашъ бѣдный, заброшенный Сѣверный край. Онъ учреждаетъ Общество пароходнаго плаванія вдоль Мурманскаго берега, и не смотря на предостереженія друзей, на собственное убѣжденіе, что выгодъ отъ такого Общества позволительно ожидать развѣ только въ самомъ отдаленномъ будущемъ,—ввергаетъ въ дѣло всѣ свои 200 тысячъ! Предпріятіе оказалось не только не прибыльнымъ, но убыточнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Чижовъ не могъ принять въ управленіи никакого участія. Ѳедоръ Васильевичъ счелъ однакоже долгомъ совѣсти не отставать отъ рѣшенія задачи, и для поддержанія Общества, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, заложилъ почти всѣ, еще остававшіяся у него свободными, процентныя бумаги. Такимъ образомъ этотъ пресловутый богачъ оставилъ послѣ себя лишь

тысячъ до двухъ наличныхъ денегъ и на значительную сумму долговъ, по уплатѣ которыхъ образуется, въ пользу его наслѣдниковъ, лишь весьма скромное достояніе!..

Неимовѣрные труды и заботы, сопряженные съ его общественною дѣятельностью въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ его жизни, не мѣшали ему однако же помѣщать отъ времени до времени статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, слѣдить за Русскою и иностранною литературою, вести обширную и послѣдовательную, самую разнообразную переписку, напримѣръ хоть бы съ товарищемъ юности, ученымъ и поэтомъ Печеринымъ, сперва профессоромъ, а потомъ католическимъ священникомъ въ Дублинѣ,—подъ старость разочаровавшимся во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, не исключая и католицизма. Вообще, какъ ни былъ Ѳедоръ Васильевичъ заваленъ дѣломъ, онъ удивительнымъ образомъ всегда находилъ время заботиться, даже до мелочей, о всѣхъ, кого онъ любилъ, и притомъ заботиться умно, внимательно, соотвѣтственно нравственному характеру каждаго. Рѣдко кто изъ друзей, выходя отъ Чижова, не выносилъ на своей душѣ бодрый слѣдъ его внутренней силы. Нельзя не упомянуть притомъ, что, въ самый разгаръ своей дѣловой поры, онъ удосужился, изъ уваженія къ памяти Гоголя, заниматься изданіемъ и продажею его сочиненій, и акуратнѣйшимъ образомъ доставлять выручку родной сестрѣ и другимъ наслѣдникамъ писателя: всѣ послѣднія три изданія Гоголя—дѣло Чижова, не исключая и корректуры!

Странную, пеструю смѣсь книгъ и бумагъ, самаго

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ им. Маркса и Ф. Энг... К.